

ПРИНЦИПЫ «ПРЯМОЙ ДЕМОКРАТИИ»: ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Аникин Владимир - доктор хабилитат политических наук, доктор философии, Doctor Honoris Causa, конференциар, действительный член Дома ученых Тель-Авива (Израиль)

В постановочной статье «Принципы «прямой демократии»: пути реализации» рассматривается актуальная проблема возможного перехода от представительной к «прямой демократии» парламентского типа. Анализируются теоретические положения «отцов» партологии и элитологии – В.Парето, Г.Моска, Р.Михельса и М.Острогорского о роли политических партий в демократическом процессе и ожидаемых в связи с этим трудностях, а также труды видных социальных философов, социологов и футурологов Д.Белла, Э.Тоффлера и Ю.Хабермаса о необходимости кардинального переустройства принципов власти на новых основаниях в эпоху информационного общества.

На фоне выявленных серьезных недостатков в деятельности современных политических партий, автор ставит под сомнение незыблемость их эффективной посреднической роли в осуществлении общественного прогресса как в настоящем, так и в дальнейшем. Автор находит целесообразным поставить вопрос о передаче властных полномочий от политических партий институализированным институтам гражданского общества – общественным объединениям и ассоциациям граждан. В статье указываются основные предпосылки перехода от представительной к «прямой демократии», а также ожидаемые, по мнению автора, позитивные изменения в обществе в связи с этим переходом.

Ключевые слова: правовое государство, «прямая демократия», политическая партия, гражданское общество, общественное объединение, ассоциация граждан.

In the staging article “Principles of “direct democracy”: implementation ways” the actual problem of the possible transition from representative to “direct democracy” of a parliamentary type is considered. There are analyzed theoretical positions “fathers” of partology and elitology - V.Pareto, G.Mosca, R.Michels and M. Ostrogorsky - on the role of political parties in the democratic process and the difficulties expected in connection with this, as well as the works of prominent social philosophers, sociologists and futurists D.Bella, E. Toffler and J.Habermas about the necessity of a radical reorganization of the principles of power on the new foundations in the era of the information society.

Against the backdrop of the revealed serious shortcomings in the activity of modern political parties, the author questions the inviolability of their effective intermediary role in the implementation of social progress, both in the present and in the future. The author finds it expedient to raise the question of transferring power from political parties to institutionalized institutions of civil society - public associations and citizens’ associations. The article describes the main prerequisites for the transition from representative to “direct democracy”, as well as the expected positive changes in the society in the opinion of the author in connection with this transition.

Keywords: rule of law, “direct democracy”, political party, civil society, public association, citizens’ association.

Актуальность статьи. Данная статья описывает прямую демократию. Прямая демократия (Непосредственная демократия) – это форма политической организации и устройства общества, при которой основные решения иницируются, принимаются и исполняются непосредственно гражданами; прямое осуществление принятия решений самим населением общего и местного характера; непосредственное правотворчество народа. Характерной чертой прямой демократии является использование гражданского населения (граждан государства), которое несёт прямую ответственность за принятие и исполнение принимаемых решений.

Основной материал. Непосредственная (прямая) демократия может существовать как отдельная целостная форма (Древняя Греция V и IV веков до н. э., Великий Новгород в XII-XV веках, современная Швейцария), так и в виде самостоятельно встроенного элемента в другие демократические системы. В своём развитии прямая демократия проходит путь от общинно-вечевой самоорганизации до электронной демократии. Концепция прямой демократии стоит в центре информационной теории демократии.

Безусловно, высокие рубежи, достигнутые человечеством в ходе естественно исторического процесса, в частности, в развитии человеческого общежития, в значительной мере являются следствием целенаправленной деятельности людей, продуктом реализации намеченных ими планов и замыслов, достижений интеллекта. Представляется, что необходимость углубления демократических преобразований, предъявляемых современными вызовами третьего тысячелетия, среди прочего, требует, в частности, и критического переосмысления сложившейся в течение более полутора веков и остающейся до сих пор фактически законсервированной партийно-политической системы, тормозящей общественное развитие многих народов и государств.

Следует признать, что на определенном этапе развития человеческого общества, создание политических партий и наделение их властными полномочиями, как посредников между государством и зарождающимся гражданским

обществом, действующих в рамках представительства интересов граждан в органах законодательной, исполнительной и судебной власти, сыграло свою положительную роль.

Между тем, становится все более понятным, что происходящие в мире, в первую очередь, в государствах с развитыми демократическими традициями и устойчивым гражданским обществом, кардинальные изменения в области политических, социально-экономических, этнокультурных и иных отношений, вызванные небывалым повышением статуса знания, а также стремительным развитием коммуникационных и информационных технологий, традиционная роль и деятельность политических партий, как субъектов власти, чем дальше, тем больше представляется все более проблематичной, а по существу, анахронизмом.

Как ни парадоксально, приходится, однако, констатировать факт все возрастающего отчуждения «суверенитета народа, как единственного законного и правомерного носителя верховной власти» от осуществления им же полномочия, навязанного в свое время ему действующим ныне повсеместно принципом «парламентского представительства».

Существующие проблемы современных политических партий трудно понять без обращения к предыстории вопроса. Как известно, еще во времена родового строя появились взгляды, разделяющее общество на высших и низших, благородных и чернь, аристократию и простых людей. Эти идеи получили обоснование и развитие у Конфуция, Платона, Макиавелли, Карлейля, Ницше. В контексте данной статьи нелишне напомнить, что «отцы» политологии (раздел политологии, изучающий политические партии) и исследователи, занимающиеся партогенезом (историей и практикой партийного строительства), не говоря уже об их ближайших именитых предшественниках – Ф.Бэкон, Г.Гегеле, Ж.-Ж.Руссо, Дж.-Ст.Милле, А.де Токвиле и других – уже на стадии становления политических партий и их последующей деятельности указывали, говоря современным языком, на «раковые опухоли», которые неминуемо приведут к эскалации «болезни» партий, в свою очередь, негативно отражающихся на общественном здоровье государств. Проще

говоря, высказанная ими озабоченность в способности политических партий достойным образом на протяжении многих лет аккумулировать и транслировать интересы своих сторонников, сохранять в чистоте демократические традиции и, более того, являться реальным интегратором интересов всего общества, увы, как показывает практика, находит свое подтверждение.

Так, Макс Вебер (1864-1920) рационализацию общественной жизни связывал с упадком традиционных форм поведения и возрастанием роли партийной бюрократии, хотя и признавал, что в современных обществах партии являются важным инструментом власти и оказывают влияние на стратификацию независимо от класса и статуса [17]. Им же, как известно, обоснованы ставшие классическими три типа легитимности политического господства – традиционное, легальное и харизматическое. Значительное внимание М.Вебер уделил проблемам взаимоотношения политических лидеров, бюрократии, народных масс. По его мнению, будущее общество будет диктатурой бюрократий. Исследуя проблемы конфликтов в обществе, М.Вебер пришел к выводу, что в современном ему обществе главный конфликт развернется между государственным бюрократическим аппаратом и политическими партиями [2].

Научное, углубленное обоснование первых современных классических теорий элит, возникших в конце XIX – начале XX вв., связано с именами «отцов» партологии и элитологии – Вильфредо Парето (1848-1923), Гаэтано Моска (1858-1941) и Роберта Михельса (1876-1936). Разработанные ими концепции элит, используемые и поныне, объединяют следующие идеи:

- особые качества элиты, связанные с природными дарованиями и воспитанием и проявляющиеся в ее способности к управлению или хотя бы к борьбе за власть;
- групповая сплоченность элиты;
- признание элитарности любого общества, его неизбежное разделение на привилегированное властвующее творческое меньшинство и пассивное, нетворческое большинство;
- руководящая и господствующая роль элиты в обществе [23].

Имеет смысл выделить наиболее характерные моменты в концепциях «отцов» партологии и элитологии, не потерявшие актуальность и сегодня. Несмотря на то, что у В.Парето доминирует представление о том, что «властвующие элиты», «господствующий класс», «высокий слой» формируются из людей, действительно обладающих соответствующими качествами и достойных своего высшего положения в обществе, в его «Трактате» встречаются утверждения, что люди могут носить «ярлык» элиты, не обладая соответствующими качествами. Он не исключал несовпадение элитарных качеств и элитарных статусов людей [15].

Согласно концепции Г.Моска, в любом обществе действует тенденция к образованию «наследственных каст» «правлящих классов», которые стремятся не только к приобретению и сохранению богатства, но и претендуют на ключевые позиции в распространении и использовании научных знаний, к господству в духовной сфере. Впрочем, не случайно Г.Моска подверг тщательному изучению и анализу структуру элит, законы их функционирования, прихода к власти, а также причины вырождения и упадка элит, смены их контрэлитой [13].

В отличие от основателей элитологии и политической социологии – В. Парето и Г.Моска, Роберт Михельс исследовал в первую очередь политические партии, и только – опосредованно – общество в целом. Примечательно, что в своих первых работах он утверждал, что подлинная демократия – непосредственная, прямая демократия, тогда как представительная демократия несет в себе зародыш олигархичности. Вместе с тем, в своем главном труде «Социология политической партии в условиях демократии» Р.Михельс уже склонился к выводу о том, что олигархия – неизбежная форма жизни крупных социальных структур. У Р.Михельса прежде всего обращает внимание сформулированный им «железный закон олигархических тенденций». Для своего сохранения и стабильности, демократия, по Михельсу, вынуждена создавать организацию, а это связано с выделением элиты – активного меньшинства, которому масса должна доверяться, поскольку не может осуществлять свой прямой контроль над этим меньшинством. В связи с чем превраще-

ние демократии в олигархию неизбежно. Поскольку демократия, согласно Р.Михельсу, не может существовать без организации, управленческого аппарата, элиты, это способствует закреплению постов и привилегий, приводит к отрыву от масс, к несменяемости лидеров, и, наконец, к вождизму. По мнению Р.Михельса, «железный закон олигархических тенденций» распространяется и на общество. Исходя из действия закона, Р.Михельс делал пессимистические выводы относительно возможностей демократии вообще. Отождествляя демократию с непосредственным участием масс в управлении, он, тем не менее, считал, что «прямое господство масс технически невозможно». Его же озадачивали и «неразрешимые противоречия» демократии: она «чужда человеческой природе», «содержит олигархическое ядро». Раздираемый внутренними противоречиями, Р.Михельс все-таки в определенной степени сожалел, что большинство человечества не будет способно к самоуправлению [12]. Кстати, с работой Р.Михельса в оригинале в свое время познакомился В.И. Ленин, который критически отнесся к выводам исследователя. Сегодня на критику, высказанную В.И. Лениным, разумеется, реагируют по-разному, в том числе, когда анализируют события, связанные с распадом СССР и социалистического лагеря, заодно вспоминая и пресловутую «кухарку, управляющую государством».

Большое значение для оценки роли классических политических партий представляют исследования одного из «отцов» партологии – Моисея Острогорского (1854-1919), который, по мнению аналитиков и экспертов, первым установил связь таких параметров современного развития, как переход к массовому обществу и возможность манипуляции волей избирателей, взаимоотношение масс и политических партий, бюрократизация и формализация самих этих партий в условиях жесткой конкуренции в ходе борьбы за власть. Все эти тенденции выражаются в возникновении особой политической машины – Кокуса, позволяющей лидерам сосредоточить власть над партийными структурами [10].

Согласно М.Я. Острогорскому, завоеванная человеком *habens corpus* (материальная свобо-

да) должна быть дополнена и *habens animus* (моральная свобода). По его мнению, главным недостатком существования современных ему демократий, как в Англии, так и в США, является партийная организация, уничтожающая в человеке всякую волю, самостоятельность и индивидуальность [9].

Тем не менее, М.Я. Острогорский не являлся сторонником отказа от организации партий. «Группировки граждан во имя политических целей, - писал он, - которые называют партиями, необходимы везде.., - но нужно, чтобы партия перестала быть орудием тирании и коррупции.... Проблема партий... состоит в том, чтобы отказаться от практики косных партий, постоянных партий, имеющих своей конечной целью власть, и в том, чтобы восстановить и сохранить истинный характер партий как группировок граждан, специально организованных в целях осуществления определенного политического требования...». Далее М.Я. Острогорский замечает: «Партия как универсальный предприниматель, занимающийся разрешением многих и разнообразных проблем, настоящих и будущих, уступила бы место специальным организациям, ограничивающимся какими-либо частными объектами. Она перестала бы являться амальгамой групп и индивидуумов, объединенных мнимым согласием, и превратилась бы в ассоциацию, однородность которой была бы обеспечена ее единой целью. Партия держащая своих членов как бы в тисках, поскольку они в нее вошли, уступила бы место группировкам, которые бы свободно организовывались и реорганизовывались в зависимости от изменяющихся проблем жизни и вызываемых этим изменений в общественном мнении...» [9].

В послевоенные годы минувшего столетия к оценке ситуации, сложившейся в общественно-политической и социально-экономической сферах западных, и не только, обществ, присоединились голоса видных западных философов, социологов и футурологов. В середине века создатель теории постиндустриального общества, «социалист в экономике, либерал в политике и консерватор в культуре», как он сам себя называл, – Дэниел Белл зафиксировал «конец идеологии, истощение политических идей

в 50-е годы», что нашло отражение в его одноименной книге [1].

Спустя годы, обосновывая свою теорию постиндустриального общества, Д.Белл в числе выделяемых им трех «аналитических сфер» называет политическую организацию общества. Роль политических институтов Д. Белл видит в минимизации противоречий, неизбежно возникающих в ходе функционирования экономического механизма, а также в преодолении конфликтных ситуаций, порождаемых социальными противоречиями. В связи с этим он утверждает, что основным политическим вопросом становится легитимность той власти, которая эти проблемы призвана решать. Д.Белл остается сторонником децентрализации власти, смешанной экономики и политического плюрализма.

Одним из важнейших достижений грядущего постиндустриального общества, по мнению Д.Белла, станет формирование условий для рационального управления социальным организмом, скоординированность распределения и перераспределения материальных благ и обеспечение максимальной личной свободы индивида. При рассмотрении вопроса о формировании политической системы нового общества заслуживает внимания позиция Д. Белла, касающаяся природы управляющей социумом страты. В частности, в своем исследовании Д.Белл останавливается на политической структуре постиндустриального общества и природе господствующего в нем технократического класса. Характерно, что при анализе социальной структуры нового общества, в котором политические факторы будут играть все более важную роль, Д.Белл задается вопросом, имеющим основополагающее значение, какие социальные слои окажутся способными непосредственно воздействовать на рычаги управления. Однако, не давая ясного ответа, Д.Белл выражает надежду, что это будет достигаться сугубо политическим путем, а основными субъектами политического процесса станут отдельные корпоративные группы, принадлежащие к тому или иному элементу профессиональной структуры общества, и он надеется, что политическая жизнь в постиндустриальном обществе будет иметь в своем основании

«нечто большее, чем сумму политических амбиций людей, объединенных по принципу единой сферы общественной деятельности или социальных групп» [6].

По мнению Д.Белла, основой этой части политической структуры должен стать, с одной стороны, «директорат» в лице представителей официальной системы управления (бюрократии), и, с другой стороны, партии и общественные объединения, выражающие интересы более или менее устойчивых социальных групп, в том числе разного рода лоббистские организации, стремящиеся, в первую очередь, к перераспределению материальных благ или возможностей в пользу своих членов. В связи с возрастанием роли политической системы, Д.Белл высказывает озабоченность о той группе людей, которая будет реально способна установить контроль за функционированием политической системы и осуществлять эффективное управление социальными процессами. Эксперты подчеркивают, что речь в данном случае, по сути дела, должна идти о некоем специфическом слое внутри класса профессионалов, о людях, в которых воплощены наивысшие возможности и которые обладают наиболее совершенными и разносторонними талантами. Заметим, однако, что проблема выделения подобной «управляющей» страты в книге Д.Белла скорее поставлена, чем разрешена и этот факт можно объяснить крайне высокой идеологической ценой того или иного конкретного решения данного вопроса [6:501].

Проблема власти и ее преобразование, способность реальных возможностей правителей или народа оказывать радикальное и всеобъемлющее влияние на деятельность, поведение, сознание и помыслы людей, распоряжаться их судьбами, ставя при этом во главу угла не насилие и деньги, а знание – стала главной в исследовании философа и футуролога, одного из соавторов концепции постиндустриального (информационного) общества Элвина Тоффлера (1928-2016) [18].

По Тоффлеру, прежняя система власти разваливается. В офисе, в супермаркете, в банке, в коридорах исполнительной власти, в церквях, больнице, школах, домах, старые модели власти рушатся, обретая при этом новые, непри-

вычные черты. Крушение старого стиля управления убыстряется также в деловой и повседневной жизни. Прежние рычаги воздействия оказываются бесполезными. Современная структура власти зиждется уже не на мускульной силе, богатстве или насилии. Ее пароль – интеллект [4].

В своей концепции Э.Тоффлер демонстрирует «новое понимание власти» на рубеже XX века. «Она, – пишет он, – затрагивает вопросы богатства и власти и той роли, которые они играют в нашей жизни. Она повествует о новых путях к власти, открытых миром в переходный период.

Несмотря на соответствующий самому понятию власти дурной запашок, возникший из-за злоупотребления ею, власть сама по себе ни плоха, ни хороша. Это неизбежный аспект любых человеческих отношений... И мы продукт власти в значительно большей степени, чем многие из нас представляют. Тем не менее, из всех аспектов жизни власть остается одним из наименее понятных и наиболее важных – особенно для нашего поколения.

Мы вступаем в эру метаморфоз власти. Мы живем в момент, когда вся структура власти, скреплявшая мир, дезинтегрируется. Совершенно иная структура обретает форму. И это происходит на всех уровнях человеческого общества» [18].

Э.Тоффлер предпринимает попытку дифференцировать власть как таковую. «Важнейшим фактором власти из всех, по его мнению, – ее качество. Богатство – власть среднего качества. Однако самую высококачественную власть дает применение знаний... Высококачественная власть... предполагает эффективность – достижение цели с минимальными источниками власти... Богатство все больше зависит от научных кадров...» [18]. Отдавая, как и Д.Белл, приоритет знанию, Э.Тоффлер подчеркивает, что, среди прочих положительных характеристик, знание «обладает огромной гибкостью», а также является «самым демократическим источником власти».

В отдельной главе своего исследования, озаглавленной «Политические рычаги власти», Э.Тоффлер, правда, с осторожным оптимизмом заявляет: «Если в самом деле экономика, базиру-

ющаяся на новых знаниях, вытеснит старые формы производства, мы вправе ожидать, что эта историческая борьба в конце концов изменит наши политические институты, приведя их в соответствии с новой экономикой, вызывающую коренную перестройку производственного процесса» [18]. Современных политиков, одинаково реагирующих на кризисы жизненно важных систем и проявляющих при этом лишь «разные варианты старых подходов», он предостерегает в том, что «возникающие проблемы могут быть неразрешимы при существующей форме общественного устройства, соответствующей массовому обществу» [18].

Являясь противником «огромной концентрации власти на уровне государства», Э.Тоффлер, учитывая перемены в экономике, находит «прямые аналогии в политике». Так, анализируя состояние иммиграционной политики, он пишет: «При сдвиге власти в сторону гражданского общества увеличится представительство национальных меньшинств в органах местной и, возможно, центральной власти (исполнительной, судебной, законодательной), что снизит этническую напряженность». Фиксируя распад «массового общества», «ориентирующего политиков на существование однородных «масс», Э.Тоффлер указывает на все возрастающую тенденцию социальной разнородности и демассификацию потребностей людей, ведущих, в свою очередь, к разнообразию их политических требований в условиях и без того усложняющейся политической жизни [18].

Европейский взгляд на политические проблемы современности находим у Юргена Хабермаса – создателя «критической теории общества» – теории коммуникативного действия. В данной концепции впервые в истории современной социальной теории общественное развитие представлено не только как процесс усиления технической и функциональной рациональности, но – в нарушении традиции – предпосылкой его самого назван процесс развития коммуникативного разума: насилие как средство разрешения конфликтов исторически вытесняется модусом разумного взаимодействия граждан. По мысли Ю.Хабермаса, тем самым сокращается социальное пространство,

где основными являются отношения господства и контроля, а соединение мысли и действия превращает политическую практику в свободную кооперацию агентов, направленное на осуществление разума. Как философ и социальный теоретик, отстаивая метод дискурсивного образования общественного мнения и дискурсивного волеизъявления, Ю.Хабермас призывает защитить уже существующие практики коммуникативного разума в политической и приватной сфере от угрозы бюрократизации и коммерциализации, а по возможности даже попытаться расширить область его применения [8].

Необходимо подчеркнуть, что при анализе сущностных характеристик «трех моделей демократии» (республиканской, либеральной и делиберативной) обращает на себя внимание определение Ю.Хабермасом понятия «народного суверенитета», имеющее непосредственное отношение к теме. Он пишет: «...Согласно республиканским представлениям, народ, присутствующий, по меньшей мере, потенциально, является носителем суверенитета, который в принципе не может быть делегирован: в своем качестве суверенитет народа не может допустить своего замещения. Конституирующая власть основывается на практике самоопределения граждан, а не их представителей. Либерализм противопоставляет этому более реалистичное воззрение, согласно которому в демократическом правовом государстве исходящая от народа государственная власть «осуществляется лишь путем выборов и голосования и при помощи особых органов законодательства, исполнения власти и судопроизводства» (как, например, значится в Конституции ФРГ, ст. 20, п. 2). Однако обе эти тенденции образуют полную альтернативу лишь при том сомнительном предположении, что концепт государства и общества исходит из целого и его части, причем целое не конституируется ни суверенной совокупностью граждан, ни какой бы то ни было конституцией» [19].

«Дискурсивному понятию демократии, - рассуждает Ю.Хабермас, - напротив, соответствует картина децентрированного общества, которое, однако, разделяет с полити-

ческой общественностью арену восприятия, идентификации и разработки касающихся всего общества проблем... Народный суверенитет, пусть даже и сделавшийся анонимным, обособляется в демократических процедурах и в правовом выполнении их прихотливых условий коммуникации лишь для того, чтобы продемонстрировать себя в качестве коммуникативно производимой власти. Строго говоря, он возникает из интеракций между институционализированным в рамках правового государства формированием воли и культурно мобилизуемой общественностью, которая, со своей стороны, находит некий базис в ассоциациях гражданского общества, равно удаленных от государства и экономики...» [19].

При трансформации политической системы немаловажное значение, на наш взгляд, приобретает учет особенностей, характеризующих политические партии разных стран. В сравнении, например, от жестко структурированных, идеологически направленных европейских политических формирований, американские политические партии, согласно исследованиям С.Элдерсвельда, Л.Эпстейна, У.Кифа и др., отличаются неиерархической системой пластов контроля, характеризующейся рассредоточенностью власти и отсутствием жесткого подчинения; меньшей сплоченностью при выработке основных направлений политики, чем партии парламентских режимов. Как неправительственные организации, они всегда были сильнее на уровне штатов и местных самоуправлений, чем на национальном уровне; обходятся без массы членов, обязанных платить членские взносы; склонны к коалиционному характеру действий, идеологически разнородны, однако стремятся к широкому охвату населения и лишены четко определенного членства [5:87]. Кроме того, исследователи отмечают «крайнюю децентрализованность» американских политических партий (за исключением, пожалуй, партий национального уровня).

Видные исследователи политических партий, как в Европе, в США и не только (М.Дюверже, Р.Кац, К.Стром, Я.Баджа, Г.Кеман), приложили значительные «теоретические усилия» для разработки «общей теории партий». Появились также, скажем так, более

«частные» теории: А. Панебьянко – теория трансформации партий (1988), М.Галлахера и М. Марша – теория отбора кандидатов (1988), М.Лейвера и Н.Шофилда – теория коалиций (1990), Дж.Шлезинджера – теория «многоядерной» партии (1991) и др. Вместе с тем, исследователи до сих пор спорят, должна ли «общая теория партий быть единой, монолитной теорией»? Более того, возникают сомнения в возможности создания «общей теории партий» и так уж она необходима вообще [5:139].

Как видно, последние десятилетия XX – начала XXI столетия знаменуются тем, что исследователи все чаще обращаются к анализу относительно нового явления, связанного с радикальным расширением сферы, охватывающей политические процессы. Отмечается, что государство утратило роль единственного инструмента политики, поскольку «в развитых странах оно тесно переплелось со сложной сетью общественных институтов и отношений, что привело к соединению его с гражданским обществом и обеспечило демократический характер публичной власти» [16]. При этом представлению о «соподчинении» государства и гражданского общества исследователи придают принципиальное значение. Немаловажный факт: при рассмотрении взаимоотношений государства и гражданского общества в современных условиях, одни исследователи и политики отводят *главенствующую роль* государству, а другие – гражданскому обществу. Подчеркивается, что «государственность имеет тенденцию приобретать те формы и тот характер, которые соответствуют уровню развития и характеру гражданского общества. Государство обслуживает гражданское общество, а не наоборот...» [21]. Неслучайно успех и результаты модернизации при выборе такого пути связывают с обеспечением опоры на гражданское общество. Поэтому актуальной задачей в настоящее время является решение проблемы формирования и применения надежных механизмов социальной обратной связи, подчинение государства контролю гражданского общества, демократизация политической жизни [22:120]. Подтверждается, что качественные изменения в социальных отношениях в новое время, связанные с переходом от традицион-

ной общественной организации к новой, более рациональной, станут возможными благодаря их «воплощению в институтах гражданского общества и правового государства» [11].

Все это так. Однако, только теоретическими посылами, понятно, проблему «прямой демократии» не решить. В настоящее время в теоретико-практических исследованиях ученых-политологов и правоведов, в том числе и западных, господствует безусловный авторитет политических партий как единственного «узлового института», «посредника», «двигателя» между государством и гражданским обществом [16].

В самом деле, «неприкасаемость» политических партий превратилась в некоторое священнодействие. Если в отдельных странах поднимаются вопросы и предпринимаются шаги по совершенствованию партийной системы, то они, как правило, носят косметический характер. Не решается кардинальный вопрос перехода к «прямой демократии», а именно – прекращение наделения политических партий властными полномочиями, которые закреплены за ними законодательным и уставным порядком, а также задача постепенной передачи некоторых функций государства свободным ассоциациям гражданского общества. Именно в этом и состоит ключевой вопрос проблемы.

Вместе с тем, в деятельности политических партий за последние десятилетия накопилось немало негативных сторон. Достаточно перечислить только основные недостатки партийных систем, чтобы понять, что кардинальные перемены в управлении обществом давно назрели. Главные из недостатков, отмеченные современными исследователями: идейная деградация политических партий; их организационная закостенелость; зачастую непрофессиональное управление, приводимое к частой смене правительств; падение доверия к партиям со стороны населения и связанное с ним снижение избирательной активности граждан; картелизация партий («картельная партия – это тип партии, возникший в демократических полициях, которые характеризуются взаимопроникновением партии и государства и тенденцией сговора между партиями») [7:82]; бюрократизация партийного аппарата; сращение

партийных структур с бизнесом; неэффективность системы управления государством; злоупотребления, связанные с финансированием партий (в том числе незаконного, из-за рубежа), коррумпированность партийных функционеров и т. д. Все эти и другие, ставшие хроническими, недостатки, напрямую отражаются на неэффективности представительской демократии как таковой.

Разумеется, политики, партийные функционеры, каждый на свой лад, предпринимали и в настоящее время предпринимают меры по повышению «эффективности» действующих в разных странах двухпартийной и многопартийной (с доминирующей партией) систем, усилению внутрипартийной демократии (праймериз и др.). Тем не менее, не только в развивающихся странах, продолжается манипулирование мнением избирателей с помощью все более изощренных политических технологий, в угоду крупным партиям изменяется избирательный порог в действующих Законах (Кодексах) о выборах, сохраняется устойчивое стремление навязать электорату голосование по партийным спискам на выборах в законодательные собрания (Российская Федерация, другие страны СНГ).

Другие отрицательные качества партий эксперты и аналитики увязывают с нарушениями принципов внутрипартийной демократии при выборах лидеров и выборных органов партии; игнорированием периодичности сменяемости лидеров; с уставным запретом на существование оппозиции внутри партии и жестким соблюдением партийной дисциплины внутри фракций при голосовании законов в законодательных органах; подавлением и преследованием инакомыслия. Раскрываются факты сращивания партийных структур и отдельных партийных лидеров с крупным капиталом и бизнесом; наличия коррупционных связей партийных функционеров, их гипертрофированной амбициозностью, а также авторитарностью стиля руководства партийных лидеров и т. д. Специфические недостатки, как известно, присущи как однопартийным (идеологическая и организационная жесткая внутрипартийная закостенелость, отсутствие межпартийной конкуренции, монополизация власти, «во-

ждизм» и др.), двухпартийным (отсутствие политического «центра», идеологическая аморфность, замена конструктивных предложений критикой соперника, голосование не за своего кандидата, а против его конкурента и др.), так и многопартийным системам (слабое агрегирование интересов большинства, опосредованный, иллюзорный характер участия в выборах, нестабильность правительственных коалиций и др.) [14].

В историческом плане продлению срока выживания и укрепления позиций партий на политическом «поле» способствовали конкретные шаги:

- во-первых, был осуществлен переход от интегральной многопартийности/мультипартизма к двухпартийности (США, Великобритания);

- во-вторых, получила развитие многопартийная система с доминирующей партией (в коалиции с другой крупной партией) – Швеция, Норвегия, Дания, Италия, Исландия, ФРГ и др. (используется как фактор стабилизации политической системы);

- в-третьих, практикуется проведение внутрипартийных выборов (праймериз) лидеров, «центра», других выборных органов партии);

- в-четвертых, в угоду крупным партиям осуществляется манипулирование Законом (Кодексом) о выборах с целью повышения избирательного барьера, непроходимого для более мелких партий;

- в-пятых, практикуется формирование межпартийных избирательных блоков и межпартийных коалиций в законодательных собраниях;

- в-шестых, поощряется использование изощренных предвыборных политтехнологий, направленных на манипулирование сознанием избирателей;

- в-седьмых, для привлечения политических сторонников широко используются информационные и коммуникационные технологии (сайты, блоги и т. д.);

- в-восьмых, для изучения вопросов теории и практики партийного строительства, осуществления текущей политики и т. д. создается и привлекается солидный научный потенциал (обучение в вузах, научно-исследовательские учреждения и т. д.);

- в-девярых, практикуется создание «тене-вых» кабинетов (Великобритания и др.) [14].

Вместе с тем время показало, что в процес-се своей деятельности современные политиче-ские партии не только во многом подтвердили прогнозы упомянутых «отцов» партологии, но и пошли еще дальше, хронически усложнив и умножив застарелые партийные «болезни» («балластные наросты на днищах кораблей»). Партии все больше теряют свое лицо, превра-щаются в клубы по интересам, персонифици-руются, зачастую становясь жертвой амбици-озных устремлений своего лидера-хозяина и авторитарных методов руководства. Зачастую за понятием «партия» подразумевается впол-не определенное лицо. Причем, это явление не знает границ и характерно, как для стран с раз-витой демократией, так и для молодых разви-вающихся государств. К примеру, для многих американцев достаточным условием для голо-сования за кандидата является знакомство с его именем. Поэтому установленные вдоль до-рог щиты или наклейки на машинах с именем кандидата превратились в метод предвыбор-ной агитации. При таком уровне избирателей естественно рождение династий вроде коро-левских (семья Бушей и др.) [3].

Поскольку современные политические пар-тии, довольствуясь представительской ролью своего «партийного лица» в государственных органах управления, становятся, как видно из вышесказанного, все менее функциональными и по существу являются сдерживающим фак-тором реального участия граждан в принятии решений по важным государственным и обще-ственным вопросам, радикальная трансфор-мация существующей системы управления го-сударством становится особенно актуальной. К сожалению, в трудах анализируемых выше именитых заокеанских (Д.Белл, Э.Тоффлер), европейских (Юрген Хабермас и других, ныне действующих экспертов-политологов), вопрос о необходимости кардинального реформи-рования действующей политической системы власти только ставится, однако конкретных предложений, касающихся непосредственно роли политических партий и гражданского общества, на сей счет заведомо не приводится. Между тем, в общественном сознании креп-

нет убеждение, что политические партии по большей части уже не способны оставаться локомотивами общественного прогресса: они картелизировались, превратились в полити-ческие холдинги, в личные проекты «вождей», преследуют в основном узкопартийные корпо-ративные интересы и т. д. В частности, амери-канский исследователь Р.Кац, говоря об утрате привлекательности формального членства, что отражается на соотношении численного со-става партий к численности избирателей, за-ключает, что это заставляет задуматься о том, *продолжают ли партии выступать как канал связи между элитой и массами* [5:117].

Немаловажные факты сегодняшнего дня. Как известно, о необходимости пересмотра по-литики ведущих общенациональных полити-ческих партий во многих сферах жизни обще-ства американцы достаточно определенно вы-сказались во время выборов президента США (ноябрь 2016 г.), где президентом был избран фактически самовыдвиженец, примкнувший к республиканцам, Дональд Трамп. Более того, на недавних президентских выборах во Фран-ции (май 2017) г.) победу одержал основатель надпартийного движения «На марше» Эмман-юэль Макрон, которому удалось менее чем за год мобилизовать электорат в свою поддержа-жку. Если учесть, что ему во втором туре голо-сования противостояла лидер крайне правой партии «Национальный фронт» Марин Лепен, не свидетельствует ли это о потере доверия к «старым» ведущим партиям страны – социали-стам и республиканцам? Как видно, в опреде-ленной степени подтверждается утверждение Э.Тоффлера, указывающего на все возрастаю-щую тенденцию социальной разнородности и демассификацию потребностей людей, веду-щих, в свою очередь, к разнообразию их по-литических требований в условиях и без того усложняющейся политической жизни [18].

Представляется, что в современных ус-ловиях существующая проблема перехода к «прямой демократии» может быть решена по-средством передачи властных полномочий, ныне принадлежащих политическим партиям, непосредственно в руки выборных представи-телей институализированных, действующих на добровольной основе, общественных объеди-

нений и ассоциаций гражданского общества, в числе которых, как известно, находятся политические партии и общественно-политические движения, фактически являющиеся неправительственными организациями по своей природе.

В настоящее время институты зрелого гражданского общества в странах развитой демократии и правового закона представляют широкий спектр общественной жизни общества, включая, политические и профессиональные, этнокультурные и творческие, научные и образовательные, правоохранительные и женские, разновозрастные (ветеранские, молодежные, детские), предпринимательские и благотворительные, спортивные, конфессиональные и другие организации. Их деятельность осуществляется, как правило, на основе действующих в стране законов, а профессиональная компетентность, а также знание интересов и потребностей граждан-членов общественных объединений и ассоциаций, идейно-политических формирований может стать хорошей основой для повышения культуры управления государством.

Какие же страны, в первую очередь, могут стать «пионерами» возвращения к историческому прямому народовластию? Во многих англо-саксонских государствах на выборах уже довольно широко используется мажоритарная, доказавшая свою жизненность, система относительного большинства (Великобритания и др.). В ряде стран политические партии не получают официального признания в избирательном процессе или их роль сводится к минимуму (Бельгия, Люксембург, Финляндия, Швейцария, Швеция и др.). В других государствах выборы в представительные собрания происходят по смешанной мажоритарно-пропорциональной (со многими разновидностями) системе (Венгрия, Федеративная Республика Германии, Италия, Исландия, Франция и др.). При выборах высшего законодательного органа, в частности, в Ирландии и Мальте используется один из разновидностей преференциального голосования – метод «одного передаваемого голоса». В Швейцарии и Люксембурге используется и другая разновидность преференциальной системы голосования в

рамках пропорциональной системы – система «свободных списков», при которой избиратель не обязан отдавать свой голос кандидатам одной партии, он вправе отдать свое предпочтение нескольким кандидатам от разных партий (в многомандатном округе). С другой стороны, в некоторых странах право выставлять список кандидатов имеют только партии (Австрия, Израиль, Португалия и др.). В Республике Молдова правом выдвижения на выборах кандидатов обладают, кроме партий, и независимые кандидаты (в настоящее время здесь публично обсуждается вопрос о переходе к мажоритарной системе выборов по одномандатным округам; президент страны вновь стал избираться всенародным голосованием). Особо важную роль мажоритарная система абсолютного большинства, как известно, играет при всенародных выборах президента страны. В этом случае любая разновидность системы партийных списков с пропорциональным распределением голосов вообще неприменима (Португалия, Финляндия, Франция и др.). Словом, используемые избирательные системы довольно разнообразны.

С учетом устойчивости социал-демократического правления и стабильности, существующего уровня развития демократии и правового государства, зрелости гражданского общества, а также реального социально-экономического положения в стране, наиболее подготовлены к переходу к «прямой демократии» (в основном в рамках Европейского Союза), по нашему мнению, прежде всего такие государства, как Дания, Норвегия, Швеция. Из других европейских стран обнадеживают перспективы становления «прямой демократии» в таких государствах – парламентских республиках, как Бельгия, Болгария, Греция, Германия, Ирландия, Исландия, Италия, Нидерланды, Польша, Сербия, Чехия, Словакия, страны Балтии, Швейцария и др., в том числе и в ряде стран с президентско-парламентской формой правления, например, во Франции, с ее конституционным принципом – «*правление народа, народом и для народа*» [20]. Причем, существующим в ряде упомянутых и не упомянутых государств, в силу сложившихся исторических традиций, конституционным монархиям (фактически парламентарным республикам), с присущими каждой из них осо-

бенностями правления, «прямая демократия» угрожать, на наш взгляд, не будет.

Важным компонентом перехода к «прямой демократии» является рациональное использование особенностей избирательных систем, действующих в сопредельных с ЕС странах и на других континентах. В Российской Федерации, Украине, Грузии, а также ряде стран СНГ мажоритарная система выборов используется в сочетании с пропорциональным представительством (система партийных списков). Смешанная система выборов (в существующих разновидностях) применяется и в таких странах Британского Содружества, как Канада, Индия, в государствах Латинской Америки – Бразилии, Венесуэле, Мексике, Никарагуа, Перу, Чили, а также на Филиппинах, Японии. В настоящее время на всенародных выборах на основе «одного передаваемого голоса» формируются парламенты Ирландии и Мальты, австралийский Сенат; законодательные собрания субъектов федерации Австралии, органы местного самоуправления в Австралии и Ирландии [20]. Несмотря на характерные особенности партийно-политической системы США и американского электората (долговременное соперничество двух ведущих партий и образование на этой основе устойчивых электоральных блоков, специфический консенсус на уровне элит, избрание выборщиков по партийным спискам в штатах, электоральные предпочтения на уровне штатов и этнических групп и т. д.), мажоритарная система по принципу относительного большинства здесь чаще всего применяется в одномандатных округах, а ряд муниципалитетов использует принцип «одного передаваемого голоса» (разновидность по сути пропорциональной и в то же время (формально) внепартийной преференциальной системы голосования [20]).

Разумеется, передача властных полномочий институтам гражданского общества в лице их выборных представителей предполагает введение поэтапного переходного периода, включающего в себя, на первом этапе, публичное обсуждение проблемы. Возможно, в отдельных странах в качестве предварительного шага потребуются проведение референдума о целесообразности радикальных изменений в струк-

туре власти. На втором этапе предполагается уделить углубленное внимание совершенствованию правового поля – внесению изменений в действующую конституцию (вопрос о власти) и сопутствующие законодательные акты (Закон (Кодекс) о выборах), изменения и дополнения в существующие законы и нормативные документы, непосредственно касающиеся структурных преобразований в общественных объединениях и ассоциациях граждан, политических партий и общественно-политических движений.

Особенное внимание, как отмечалось выше, потребует уделить кардинальной реформе действующей в стране избирательной системе выборов. Естественно, она должна соответствовать всем требованиям мажоритарной, отличающейся своей простотой и доступностью, избирательной системы, (включая ее разновидности), когда выборы в центральные, региональные и местные законодательные органы власти будут осуществляться исключительно по одномандатным административно-территориальным округам, а партиям придется отказаться от списков. Избирательный порог для прохождения в законодательный орган, ранее существующий для партий, целесообразно заменить одной из трех распространенных разновидностей голосования по мажоритарной (одномандатной) избирательной системе (системам относительного большинства, абсолютного большинства или смешанного типа).

Разумеется, сеть общественных объединений и ассоциаций должна быть построена по зонтичному организационному принципу в соответствии с направленностью деятельности; при этом партии и общественно-политические движения, как неотъемлемые части гражданского общества, сохраняют свои структуры. Для участия в выборах и повседневной деятельности все они должны будут пройти установленную действующим законом регистрацию в Минюсте страны (в соответствии с измененными и дополненными нормативными актами), что, в свою очередь, станет руководством для деятельности центральных, региональных и местных избирательных комиссий. Для подготовки обновленных законодательных актов по проведению выборов по мажоритарной системе воз-

можно создание специальных правоведческих Комиссий или Общественных советов, чьи рекомендации лягут в основу будущих законов. В этой работе могут принять участие депутаты действующих парламентов и представители общественных объединений и других институтов гражданского общества.

Надлежащему реформированию подлежат регламенты законодательных собраний центрального, регионального и местного уровней. В виду отсутствия парламентских (партийных, коалиционных) фракций, для одобрения проектов законодательных актов большинством голосов, возрастает роль общего интереса и солидарности избранного состава депутатов, их прагматичного, в рамках разумности, подхода к решению насущных вопросов государства и общества. Выборы руководящих органов законодательных собраний также предполагается проводить на широкой демократической основе прямым голосованием всего состава избранных депутатов большинством голосов.

Средства из госбюджета, используемые ранее для проведения выборов и финансирования политических партий и общественно-политических движений, будут перенаправлены для этих же целей, однако главным образом для укрепления инфраструктуры общественных объединений и ассоциаций гражданского общества, усиления их технической оснащенности и материальной базы (с сохранением принадлежащей партиям и общественно-политическим движениям инфраструктуры). Можно предположить, что общественные объединения и политические партии обменяются друг с другом присущим им положительным опытом в плане усиления демократизации и укрепления своих организационных структур, что позитивно отразится на их взаимодействии.

Таким образом, главными предпосылками перехода к «прямой демократии» являются:

- наличие демократического, правового государства президентско-парламентского или парламентского типа;
- избрание президента (главы государства) в результате прямых (всенародных) выборов;
- переход к мажоритарной (по одномандатным округам) системе выборов (с учетом сложившихся особенностей каждой страны);

- наличие развитой структуры добровольных общественных объединений и ассоциаций гражданского общества, а также партий и общественно-политических движений, утративших конституционные (уставные) претензии на власть;

- формирование сугубо «технических» гражданских правительств;

- расширенное конституционное обеспечение деятельности института всенародных (факкультативных) референдумов (по опыту Швейцарии).

Несомненно, тренд к «прямой демократии» должен учитывать исторические, политические, экономические, культурные традиции и особенности каждой страны, а также разную культуру избирательного права.

Представляется, что переход к «прямой демократии» положительно скажется на многих сторонах государственного и общественного развития, а именно:

- усилится управляемость процесса деполитизации общества, произойдет переоценка приоритетов политической, социологической и других наук в сторону «гражданского участия» в управлении государством, будет исключено манипулирующее воздействие политических технологий на общественное сознание;

- расширится возможность непосредственного участия граждан – представителей разных социальных и профессиональных групп, научных учреждений и творческих союзов в решении государственных и общественных дел; их планомерная ротация в системе законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти (социальная мобильность) качественно повысит уровень управления государством, а также снизит коррупционную составляющую власти как таковой;

- зонтичный (централизованный) подход к структуризации общественных объединений и ассоциаций граждан, партий и общественно-политических движений (наличие объединяющего центра профильных и родственных по направлению деятельности организаций), демократизация их внутренней жизни (проведение внутренних выборов) будут способствовать искоренению «вождизма», сокращению номенклатурной олигархии и бюрократии, возможности подкупа и взяточничества;

- отсутствие в парламенте соперничающих фракций упростит процесс принятия решений большинством голосов депутатов;

- повысится значимость каждого из голосов депутатов, что положительно скажется на культуре достижения компромисса и солидарности в поиске общегосударственных решений;

- укрепится взаимодействие президента (главы государства), законодательного органа и правительства;

- в пределах разумного избирательный барьер повысит шанс избрания для независимых кандидатов в депутаты;

- использование современных информационно-коммуникационных технологий на порядок усилят роль институтов гражданского общества в реализации организационно-мобилизационных и управленческих решений;

- балансирующая и контролирующая роль оппозиции разрешится протестным голосованием в законодательных собраниях, соответствующей реакцией независимых СМИ, радио и телевизионных передач, мнением пользователей Интернета; возрастет консолидирующая роль общественных Советов при президенте (главе государства) по развитию гражданского общества и правам человека, при министерствах (особенно силовых), а также других ведомствах;

- значительно ослабится влияние как партийной, так и государственной бюрократии – «вечной третьей партии» (по Э.Тоффлеру);

- повысится уровень правовой культуры граждан, необходимый для укрепления основ правового государства;

- освободившийся от политических, узкопартийных «пут» огромный потенциал научных сил (политологов, социологов, философов, правоведов и др.) может быть сосредоточен на вопросах обеспечения гражданских прав и свобод, расширения форм углубленного взаимодействия между институтами гражданского общества и государства, изучения динамики современных общественных отношений и укрепления позиций среднего класса, расширения принципов «гражданского участия» в непосредственном управлении государством, воспитания гражданственности, выработки системы профессиональной подготовки буду-

щих лидеров общественных объединений и ассоциаций («школы гражданских лидеров»), новых подходов в совершенствовании методов и форм принятия решений на всех уровнях государственного управления, а также организации системы конкурсного отбора кандидатов на выборные должности.

Заключение. Трудно представить, какие глубинные пласты государственного, общественного и духовно-нравственного развития личности может дать преодоление до сих пор устойчивой негативной тенденции «неприкасаемости» политических партий, которые, по мнению экспертов, служат тормозом перехода к «прямой демократии», а значит, и общественного прогресса. Представляется, однако, что общественное развитие, так же как и действующие партийно-политические системы, в принципе, не прошли еще точку невозврата к «прямой демократии». Конечно, реальное осуществление «прямого народовластия» во многом зависит от политической воли «правлящей» элиты государств. Однако решающее слово принадлежит гражданам страны, институтам гражданского общества, которые своей настойчивостью и мобильностью призваны показать, насколько они заинтересованы в возвращении к истокам народовластия. Для этого вовсе не требуется выходить на «баррикады», достаточно пользоваться, как заверяют политологи А.Пржеворски и Дж. Спраг, – избирательными бюллетенями, то есть своими голосами, которые они называют «бумажными камнями» [5].

Литература

1. Белл Дэниел. «Конец идеологии. Истоки политических идей в 50-е годы». Нью-Йорк, 1960.
2. Вебер М. об обществе и власти. Лекции по политологии. Доступно: politologiyalekcii.ru/etapy/m-veber-ob.php/
3. Гулько Б. Вместо Барака Обамы – Берта Хусейн Обама? www.newswe.com/index.php?go=/.../=8351/
4. Гуревич П. Конфигурация могущества. Предисловие. В кн.: Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. Пер. с англ. Москва: 2003.

5. Джанда Кеннет. Сравнение политических партий: исследования и теория. С. 84-143. – В кн.: Современная сравнительная политология. Хрестоматия. Москва: Московский общественный научный фонд, 1997. Доступно: janda.org/bio/parties/articles/janda%20%20Moscow%201997.pdf
6. Иноземцев В.Л.: Конспект книги: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Пер. с англ., изд. 2-е, Москва: Academia, 2004. Доступно: rema.ru/resurs/conspcts/all2014/bell.doc/
7. Кац Р.С., Мэйр П. Картельная партия: возвращение к тезису // Политическая наука (Москва), 2010, № 4, С. 77- 112; Dalton R.J. Parties without partisans: Political change in advanced industrial democracies. Wattenberg M.P. (ed). N. Y.: Oxford univ. Press, 2002; Katz R.S., Mair P. Changing models of party organization: The emergence of the cartel party // Party politics. – Sage, 1995/ Vol. 1, № 1, pp. 5-28; Аникин В. Картелизация политических партий: благо или зло для Молдовы? // Moldoscopie (Probleme de analiza politica), № 3 (LVIII), 2012, С. 20-32.
8. Кильдюшов О. Предисловие. – В кн.: Юрген Хабермас. Политические работы. Пер. с нем. Сост. А.В. Денежкина. Москва: Праксис, 2005).
9. Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. Москва, РОССПЭН, 1997. Доступно: www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Hrertom/57.php.
10. Медушевский А.Н. Проблемы современной демократии. Введение. – В кн.: Острогорский М. Демократия и политические партии. Москва, РОССПЭН, 1997. Доступно: <https://unotices.com./book.php?id=174569&page=122>; https://ru.wikipedia.org/wiki/Острогорский_Моисей_Яковлевич/
11. Медушевский А.Н. Демократия и тирания в новое и новейшее время // Вопросы философии. 1993. № 10.
12. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии. Доступно: www.studfiles.ru/preview/3025802/
13. Моска Г. Правящий класс (Элементы политической науки). Доступно: <http://www.livelib.ru/1000452197-pravyaschij-klass-elementy-politicheskoy-nauki/>
14. Общая и прикладная политология: Учебное пособие. Под общ. Ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова. – Глава XXVII. Политические партии. Москва: МГСУ. Изд-во «Союз», 1997. – 992 с.); Доступно: grachev62.narod.ru/krasnov/ch_43.htm/
15. Парето В. «Компендиум по общей социологии». 2-е изд. Москва: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. Доступно: platona.net/load/knigi_po_filosofii/sociologija/pareto_v_kompendum_po_obshhej_sociologii_2010/25-1-0-2197/
16. Силаев В.С. Роль партий в политической системе Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. № 9, 2007. С.15-22. Доступно: cyberleninka.ru/article/n/rol-partiy-v-politicheskoy-sisteme-rossiyskoy-federatsii/
17. Социология М. Вебера. Понимающая социология. Доступно: www.grandars.ru/
18. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. Знание, богатство и сила на пороге XXI века. Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. Доступно: www.e-reading.club/book.php?book=150501/
19. Хабермас Ю. Три нормативные модели демократии. – В кн.: Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. Доступно: rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/habermas/2/j172.html/
20. Четвериков А.О. Избирательные системы государств-членов ЕС. Доступно: eulaw.edu.ru/documents/articles/izbir_sistem.htm); Глущенко Ю.Н. Особенности партийно-политической системы США и американского электората. Доступно: <https://riss.ru/analitycs/32572>).
21. Шабров О.Ф. Политическая система и управление обществом. Доступно: shabrov.info/Polupr/glava3.htm/
22. Шабров О.Ф. Политическая система: демократия и управление обществом // Государство и право. 1994. № 5; Лаврентьев С.Н., Латыпов Р.Ф. «Гражданская корпорация» как форма политической активности российского общества: партийный аспект. «Власть», №12, 2012 и др.).
23. Штокало Михаил. Теория элит (Моска, Парето, Михельс). Доступно: samlib.ru/s/Shtokalo_m/teorii-ehlit-moska-pareto-mikhels.shtml/